

УДК 001

Генезис, развитие и функции руссоцентризма в советской идеологии

Стругов Михаил Васильевич

Аспирант кафедры социальной философии,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: soph13east@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена исследованию возникновения и становления руссоцентризма в советской идеологии. Проведенное автором исследование демонстрирует, что реабилитация элементов русского национализма и их интеграция в господствовавшую идеологию имели объективные исторические предпосылки. Идеологические конструкты рассматриваются в их исторической связи с социально-экономическими отношениями, выявляется обусловленность общественной надстройки социально-экономическим базисом и исторически сложившейся социальной композицией. В настоящем исследовании обосновывается объективный характер возникновения и утверждения руссоцентризма в идеологии советского режима. Автор рассматривает развитие руссоцентричной парадигмы в период советского режима в неразрывной связи со становлением советского общества как общества классового. В статье подробно реконструируется основное содержание руссоцентричного нарратива, его взаимосвязь с ленинизмом. Раскрываются социальные и исторические обстоятельства, обусловившие потребность в формировании нового исторического нарратива.

Для цитирования в научных исследованиях

Стругов М.В. Генезис, развитие и функции руссоцентризма в советской идеологии//
Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 2А. С. 194-208.

Ключевые слова

Руссоцентризм, советская идентичность, национализм, социальная мобилизация, национальная идентичность, советский патриотизм.

Введение

В работах отечественных и зарубежных ученых неоднократно поднималась проблема использования в советской идеологии и пропаганде сталинского периода элементов и мотивов русского национализма и патриотизма, особенно стоит отметить Д. Л. Бранденбергера, Т. Мартина, М. С. Агурского, А. Ю. Кожевникова [Бранденбергер, 2009; Терри Мартин, 2011; Агурский, 2003; Кожевников, 2017].

Основное содержание

В концепции «национал-большевизма» Агурского принятие и использование советским руководством элементов русского национализма представляется в качестве сложного процесса, не сводимого к воле или интересам отдельных групп, включавшего в себя как прагматические интересы, так и сознательные убеждения. В результате трудных метаморфоз советский режим постепенно гибридизировал русский национализм, марксизм и христианское мессианство в идеологию национал-большевизма.

Исследование Бранденбергера наоборот, сосредоточено на рассмотрении прагматических трансформаций, утилитарного использования советской пропагандой различных идеологических концептов в рамках решения актуальных проблем. Согласно данной концепции, советское руководство, находясь перед лицом полного идеологического бессилия, неспособности марксизма-ленинизма стать идеологией социальной мобилизации, было вынуждено обратиться к различным интерпретациям патриотических идей.

Первой такой интерпретацией был ранний советский патриотизм, сконструированный на основе истории и героики революционной борьбы и гражданской войны [Бранденбергер, 2009, 39]. Однако, несмотря на некоторые успехи, репрессии 1937-1938 годов не позволили дальше развивать эту идеологическую кампанию в силу политической актуальности ее содержания и героев. В результате советским властям пришлось обращаться к мотивам и идеям русского национализма, используя его в целях социальной мобилизации. Возникновение руссоцентризма предстает в качестве вынужденной меры тактического характера, предел которой положило «Ленинградское дело».

Согласно Терри Мартину, политика большевиков по национальному вопросу не имела конкретного характера и использовалась в качестве средства политической борьбы. После гражданской и советско-польской войн осознание Лениным угрозы национализма привело к широкомасштабной политике позитивной дискриминации нерусских народов и борьбе с великорусским шовинизмом. Большевики боялись, что народы окраин могут расценить их в качестве продолжателей царизма и стремились завоевать их доверие и симпатии. Постепенно, с 1934-1935 годов, советское руководство начинает реабилитацию русской культуры под предлогом восстановления доверия к русским со стороны «инородцев», что легло затем в основу концепции «дружбы народов». Большой террор в работе Терри Мартина трактуется как событие, приведшее к включению в советскую пропаганду ксенофобских и националистических мотивов, способствуя примордиалистскому пониманию национального вопроса.

Результатом всех обозначенных событий и идеологических перемен стала руссоцентристская трансформация советской национальной политики. Прежний курс на развитие, поощрение и поддержку нерусских народов, их культур и идентичностей, дополнился

прославлением русского народа, утверждением особой роли его истории и культуры. Эта политика привела к складыванию символической этнической иерархии, сочетавшей положительную дискриминацию, защиту и укрепление нерусских народов с глорификацией русского народа, уникальный подход, сочетавший признание господствующей группы и поддержку неспособных замахнуться на культурное доминирование меньшинств [Терри Мартин, 2011, 619].

Кожевников восторженно оценивает трансформацию советской национальной политики, рассматривая ее в рамках консервативной концепции перехода советской власти от интернационализма к русскому патриотизму. Факторами перехода большевиков на позиции русского национализма называются необходимость социальной мобилизации вокруг внешней угрозы и крушение надежд на мировую революцию [Кожевников, 2011, 183]. Автор развивает традиционную оценку советских идеологических трансформаций в качестве движения от национального нигилизма к русскому большевизму.

Помимо этих исследователей, проблему советского руссоцентризма затрагивали и другие специалисты. Так, Эмиль Паин указывает на опасность сталинской доктрины русских как руководящего народа, оценивая ее как возможный, сорванный смертью Сталина, проект превращения Советского государства в основанную на этнической иерархии и дискриминации империю [Паин, 2003, 23].

Исследование идеологии того или иного общества есть исследование идеологии господствующего класса этого общества, то есть группировки людей, занимающих высшее положение в системе общественного производства и обладающей государством как орудием власти. Соответственно, идеологические трансформации необходимо рассматривать в их неразрывной связи с развитием материального производства и социальных институтов в определенном историческом масштабе.

Ю. И. Семенов, анализируя социальную эволюцию советского общества, оценивает советский строй как классово-антагонистический, основанный на системе политарно-доминантных производственных отношений [Семенов, 2014, 148]. Политарно-доминантный способ производства основан на общеклассовой частной собственности на средства производства, когда все хозяйственные ячейки составляют единую ячейку собственности. Класс, являющийся коллективным собственником средств производства, Семенов называет *политаристами*. Как коллективный собственник всех хозяйственных ячеек, этот класс совпадает с ядром государственного аппарата. Возникновение политаризма в Советской России рассматривается Семеновым как объективный процесс, вызванный блокированием капиталистических отношений и отсутствием материально-технической базы построения социалистического общества. В таких условиях, независимо от воли и сознания людей, начался и к началу 1930-х годов успешно завершился процесс классовобразования, сложилась политарная общественно-экономическая формация.

Необходимо отметить, что важной особенностью советской политарной общественной формации было то, что идеология ее господствующих классов сформировалась изначально как идеология борьбы эксплуатируемых классов с эксплуататорами. Произошла инверсия, когда идеология, призванная выражать интересы подчиненных классов стала орудием в руках господствующих классов, формой превращенного сознания общественного бытия людей. Поскольку процесс классового расслоения происходил помимо воли и сознания его участников, они не сознавали всей глубины социально-экономических преобразований.

Рассмотрение роли бюрократического аппарата было неразрывно связано с историей

советского национально-государственного строительства. Решение национального вопроса в России посредством создания квазифедерации советских наций разделила внутри страну на отдельные сегменты с собственной, привязанной к территориальным структурам бюрократией и партийными кадрами. Таким образом, внутри класса политаристов сложились группировки, привязанные как к общесоюзной бюрократии, так и к бюрократиям субъектов союзного государства. Характер отношений внутри господствующего класса определялся статусным расслоением бюрократических группировок. В таких условиях модель национально-государственного устройства определяла отношения господства и подчинения внутри самого класса политаристов.

В своем классовом аспекте план автономизации предполагал иерархическую унификацию бюрократического аппарата, то есть формирование гомогенного класса политаристов. Таким образом, политарный господствующий класс совпадал бы с государственным аппаратом РСФСР и означал подчинение национальных проектов нерусских народов российской бюрократии. Именно потому в своем национальном аспекте проект автономизации национальных республик виделся Ленину как угроза господства русской бюрократии над нерусскими народами окраин, поскольку советский государственный аппарат «заимствован нами от царизма и только чуть-чуть подмазан советским миром» [Ленин, 1922, 358].

То, насколько сильно классовый фактор связан с национально-государственным строительством демонстрирует асимметричное устройство Советского Союза. К концу 1930-х годов из всех советских республик только РСФСР оставалась не национальной, а многонациональной, не имела собственной коммунистической партии, столицы, академии наук и других атрибутов социалистического национального государства. В результате российская часть советского государственного аппарата оказалась в неравноправном положении к бюрократиям других союзных республик. Такое положение напрямую мешало российской бюрократии защищать свои интересы, Терри Мартин указывает, что «русские региональные руководители ощущали, что у них нет своей республики и республиканской партии, которая защищала бы их интересы столь же активно, как Украинская республика защищала национальные интересы Украины» [Терри Мартин, 2011, 549].

Сегментация господствующего класса и заданной моделью национально-государственного устройства характер взаимоотношений на республиканском и общесоюзном уровнях объясняет и отношение общесоюзного центра к «великорусскому шовинизму», то есть сепаратистским устремлениям ущемленной российской бюрократии, и «местному национализму», стремлению бюрократий нерусских республик слишком рьяно отстаивать свои интересы.

Рассмотрев классовый и национально-государственный факторы советского общественного устройства, можно перейти к исследованию и анализу роли и места руссоцентризма в советской идеологии.

Советский руссоцентризм

Концептуальная сложность устройства советской идеологии требует дать определение предмету настоящего исследования. Советский руссоцентризм как идеологический концепт основывался на признании исключительной роли русского народа не только среди советских наций, но и в мировом масштабе. Данная идеологема включала в себя идеи превосходства русской культуры, языка, литературы, науки, прославление русской истории и придание ей особого всемирно-исторического значения. Основные идеи и мотивы руссоцентризма были

выражены во многих академических, научно-популярных и пропагандистских трудах, работах и брошюрах [Лебедев, 1946; Амелин, 1950; Вержбицкий, 1951; Панкратова, 1952; Тищенко, 1952; Волин, 1938; Терновой, 1946]. Советский руссоцентризм активно формировался в 1930-е 1940-е годы и к середине столетия представлял собой сложный нарратив, исполнявший такие важнейшие функции внутри советского идеологического аппарата, как легитимацию власти коммунистической партии или апологетику системы отношений между союзным центром и национальными республиками. Руссоцентризм никогда не заменял и не подменял идеологию коммунистической партии. Более того, он подчеркивал ее русский характер, как писал Б. Волин, «ленинизм – это великое учение пролетариата, вершина русской культуры, стал священным знаменем мирового пролетариата, теорией и тактикой международной коммунистической революции» [Волин, 1938, 15]. В силу значимости этого элемента советской идеологии необходимо дать исчерпывающую реконструкцию основного содержания руссоцентризма как идеологического нарратива.

Инкорпорация руссоцентризма в официальную советскую идеологию требовала обоснования, позволяющего не подпадать под собственную же борьбу с великорусским шовинизмом. Если в уже в 1923 году Сталин утверждал, что «мы уничтожили национальный гнет, мы уничтожили национальные привилегии и установили национальное равноправие» [Сталин, 1927, 365], то в 1935 году он прямо говорил, что «былому недоверию между народами СССР давно уже положен конец» [Сталин, 1935, 101]. Провозглашение достижения полного равенства народов стало основой для символической иерархии, в которой русский народ получил место «старшего брата» и «первого среди равных в братской семье народов» [Волин, 1938, 3].

Руссоцентризм включал в себя гратификацию истории русского народа, раскрывая ее в соответствии с ленинским учением о двух нациях внутри одной. Именно русский народ оказался ядром этого нарратива, позволившем соединить российское прошлое с советским настоящим, при полном отрицании государственной преемственности. Старая российская государственность преподносилась в качестве «тюрьмы народов», орудия власти господствующих классов, жестокого завоевателя и угнетателя нерусских народов. И в то же самое время, пока господствующие классы царской России эксплуатировали, грабили, завоевывали и порабощали, развертывалась героическая история великого русского народа, который страдал от непомерного гнета, подвергался национальному унижению от помещиков, защищал свою страну от внешних врагов и собирал вокруг себя другие народы. Если русские помещики и капиталисты противопоставлялись и русским массам, и нерусским присоединенным народам, то «великий русский народ, его передовые представители всегда проявляли большую заботу о других народах, угнетаемых царизмом» [Акопян, 1954, 7].

Начавшаяся в первой половине 1930-х годов реабилитация государственных деятелей, то есть представителей господствовавших классов, привела к образованию эклектичного героического пантеона, где Петр Великий был вынужден соседствовать с Кондратием Булавиным, а рядом с Александром Суворовым оказался Емельян Пугачев.

Внешняя экспансия русского царизма рассматривалась с двух точек зрения, и как агрессивная завоевательная политика самодержавия, и как собирание русскими вокруг себя других народов. Впрочем, советская историческая наука по возможности старалась трактовать включение новых территорий и групп населения в мирном ключе, так вхождение Чувашии в состав России рассматривалось как добровольный коллективный выбор народных масс, «чувацкий народ навечно связал свою судьбу с русским народом» [Дмитриев, 1976, 36].

Помимо этого, внимание акцентировалось на плодотворном влиянии развитого русского классового общества на инферiores общества нерусских народов.

История старой России была разделена на два этапа, прогрессивный и реакционный, причем по мере приближения революции пропорционально увеличивалась реакционность русского царизма, возрастал его гнет над русскими и другими народами империи [Шестаков, 1937]. Подобно тому, как советская историческая наука говорила о возникновении русской нации прежде утверждения в России капитализма, развитие капитализма в России отнюдь не придавало прогрессивного характера господствующему строю. Поэтому Иван Грозный и Петр Великий оценивались как выдающиеся и прогрессивные государственные деятели, а Александр I или Николай II как реакционеры. Замечательно и стремление к актуализации классового по мере приближения к революционному периоду. Если в ранние периоды истории речь идет в большей степени о просто «русских», то к началу XX века авторы пишут в основном о русском пролетариате и крестьянстве.

В этой интерпретации русский народ не только выступал как рабочий или крестьянин, которого нещадно эксплуатировал «государственный строй помещиков и капиталистов», но и как жертва национального гнета, поскольку царизм «мыл и крошил душу народа» [Волин, 1938, 38]. Характерной особенностью является жесткое разделение на «помещиков и капиталистов» и «русский народ», под которым понимались рабочие, крестьяне, разночинцы и в меньшей степени прогрессивные элементы аристократии. А. М. Панкратова в своей работе «Великий русский народ» прямо процитировала слова Герцена о необходимости разделять русский народ и русское правительство [Панкратова, 1952, 76] и рассматривая историю русской культуры постоянно клеймила представителей господствующих классов за неуважение к русскому языку и культуре, буквально бросая обвинения в «раболепстве перед иностранщиной» в историческое прошлое. Эксплуатация и угнетение русского народа представляла не только в экономической, но и национально-культурной форме. Созидая русскую науку и культуру, русский народ оказывался жертвой, «он творил, вопреки неистовствам и зверствам господствующих классов» [Волин, 1938, 25].

Таким образом, именно русский народ, под которым понимались в основном эксплуатируемые классы, оказался линией исторического повествования, связывающей Советский Союз с историческим прошлым России. От времен Киевской Руси советские идеологи описывали славный исторический путь русского народа, в ходе которого он породил великую и прогрессивную культуру и науку.

Восхваление русской культуры и науки красной нитью проходит как в непосредственно программных работах, выражающих руссоцентричную парадигму. Именно отсюда, от русских народных масс через критическую мысль русской интеллигенции выводится в дальнейшем родословная партии большевиков, «все основные качества русского народа отразились в созданной им культуре, культуре Белинского и Чернышевского, Некрасова и Горького, Ленина и Сталина» [Волин, 1938, 16].

Русская интеллектуальная элита оказывается той средой, из которой вышли в итоге русские дворянские революционеры, затем революционные демократы, а потом и большевики. История русского народа и русской культуры оказывается движением телеологического характера, конечным пунктом которого стал Ленин. Личность основателя советского государства представляла в подчеркнуто национальных тонах, он позиционировался как «гениальный сын русского народа, светоч и гений человечества» [Волин, 1938, 15]. Советская идеология позиционировала Ленина и как вождя трудящихся масс, поведшего их на штурм твердынь

капитализма, так и как русского национального героя, освободившего свой народ от гнета культурно чуждых ему классов. Соответственно, и идеи Ленина были «выстраданы всем ходом исторического развития народов» советского государства [Лебедев, 1946, 13].

В рамках советского руссоцентризма Октябрьская революция оценивалась и как классовая, освободившая русский народ от экономической эксплуатации, и как национальная, сбросившая с русских оковы преклонявшегося перед Западом царизма. Панкратова прямо указывала, что именно Октябрьская революция «освободила богатырские силы и могучий дух русского народа» от ярма помещиков и капиталистов [Панкратова, 1952, 198].

Реконструируемый идеологический концепт, построенный вокруг истории русских, преподносил русский язык как язык международной социалистической культуры, русскую культуру как величайшую мировую культуру, провозглашал русский народ величайшим и самым прогрессивным народом в мире, «ведущая роль русского народа среди других народов нашей страны сложилась исторически, в процессе борьбы против самодержавия и помещичье-капиталистического строя» [Казанджян, 1954, 27].

Примечательно, что советские идеологии неравномерно оценивали вклад социалистических наций в достижение победы над Германией. Именно русские провозглашались народом, который «взял на себя основную тяжесть борьбы» и без помощи которого другие советские народы не могли бы отстоять свою свободу и независимость [Лебедев, 1946, 21]. Как известный всем народам советской страны факт преподносился решающий вклад, первая роль русского народа в достижении победы, приписываемые русскому народу «выдающиеся качества» оценивались в качестве решающей силы, спасшей человечество от фашистского ига [Терновой, 1946, 9].

Большое внимание уделялось и отношениям русских с украинцами и белорусами, которые роднились с русскими через язык, религию, культуру, кровную связь и историю, «русский народ с давних времен являлся вождем и верным боевым товарищем украинского и белорусского народов в их освободительной борьбе» [Панкратова, 1952, 25]. Советская историография и идеология стремились подчеркнуть особенность братских отношений частей бывшего «триединого» народа, так вхождение Украины в состав России трактовалось как воля народных масс, а само это событие «укрепило союз братских единокровных восточнославянских народов» [Белоусов, 1948, 125]. Хотя советская идеология и национальная политика отвергала дореволюционное наследие, для советских идеологов было очень важно выделить кровный характер братских уз русских, белоруссов и украинцев, указать на их историческую глубину и неразрывную взаимосвязь.

Спустя четверть века, в 1978 году благодарственные слова о роли великого русского народа уже будут вписаны в преамбулы конституции украинской и белорусской советских республик. Так в Преамбулах Конституций Советской Украины и Белоруссии излагалась благодарность за «братскую помощь русского пролетариата» [ОЗ УССР, 1978] и «всестороннюю братскую помощь великого русского народа» [ОЗ БССР, 1978], а Конституция РСФСР в Преамбуле выделяла русских среди других народов [ОЗ РСФСР, 1978].

Символическая глорификация русских и русской культуры имела широко распространенный характер во всех сферах советского общества. Принятый в 1943 году Советский государственный гимн словами «...сплотила навеки Великая Русь» напоминал об особой роли России и русских в союзном государстве. Советские мемориальные комплексы, памятники советским военнослужащим и работникам тыла, такие как монументы воинам-освободителям в Болгарии или Германии репрезентировали именно русское население

Советского Союза. Установленный в довоенный период обычай воздаяния почестей русским за положительную деятельность в отношении окраинных республик сохранялся вплоть до коллапса Советского Союза. Как в 1959 году на XXI съезде с высоких трибун звучали благодарности за успехи, достигнутые «с помощью великого русского народа» [Внеочередной XXI съезд Коммунистической Партии Советского Союза, 1959, 188], так и в 1971 году на XXIV съезде выступавшие делегаты на разные лады говорили, что «русский народ — старший брат и верный друг всех советских народов» [XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза, 1971, 198]. Воздаяние почестей «великому русскому народу» осталось традиционным ритуалом для каждого съезда КПСС даже после смерти Сталина.

Рассмотрев основное содержание концепции руссоцентризма необходимо исследовать условия возникновения этой идеологической конструкции посредством разбора социально-исторической обстановки означенного периода.

Исторические предпосылки

Советский руссоцентризм не имеет непосредственных идеологических предтеч в дореволюционном гуманитарном наследии, однако его корни достаточно глубоки и уходят в почву русской революционной интеллигенции. Так, русскому писателю Полевому Н. А. принадлежит труд «История русского народа», оппонирующий государственнической концепции Карамзина и апеллирующей к жизни народных масс. Впоследствии именно через обращение к жизни русского эксплуатируемого населения будут большевики обосновывать новаторскую историческую преемственность с историей старой России. Разъясняя этот момент, Панкратова прямо указывала, что русский народ всегда был безгранично предан России и любил ее, но до революции эта любовь «отравлялась» сознанием господства помещиков и капиталистов. Теперь, Советское государства как подлинно народное, национальное, становится подлинным отечеством для русских и других народов России [Панкратова, 1952, 176].

Хотя Терри Мартин и признает преемственность большевиков с дореволюционной русской интеллектуальной традицией и их гордость русской литературой и искусством, он рассматривает идеологические трансформации середины 1930-х годов в рамках привычной трактовки этих событий как «реабилитации» русского патриотизма, подавляемого в рамках борьбы с великодержавным шовинизмом [Терри Мартин, 2011, 618]. В свою очередь Бранденбергер также разделяет традиционные представления о подавлении русской культуры и национальной идентичности на начальном этапе советского национально-государственного строительства, так он считает знаковым упоминание «целого ряда выдающихся деятелей культуры» дореволюционной России, таких как Ломоносов, Пушкин, Чернышевский и другие [Бранденбергер, 2009, 58].

Между тем, эти и другие персоналии русской дореволюционной культуры прославлялись еще Лениным в рамках программы монументальной пропаганды. Данная просветительная и пропагандистская акция в значительной степени заложила фундамент советского руссоцентризма в именах глаорифицированных деятелей науки и культуры. Опережая время, грандиозный план строительства множества памятников и монументов выдающимся деятелям русской истории и культуры прославлял выдающихся русских писателей и художников, ученых и поэтов, музыкантов и революционеров. Эта программа соединяла в себе русские национальные сюжеты и революционный мессианизм, представления о всемирном значении

Октябрьской революции, в один ряд становились имена Спартака и Степана Разина, Маркса и Бакунина, Робеспьера и Плеханова, Пестеля и Гарибальди. Вместе с ними в ряды нарождающегося советского героического пантеона вошла и русская литературная традиция, от Пушкина до Белинского, от Лермонтова до Достоевского [Луначарский, 1982, т. 2, 359]. Фактически эта программа выдвинула все те персоналии, которые в дальнейшем составят основу широкого набора выдающихся русских персоналий. Вполне характерно и стремление совместить выдающиеся персоналии русской культуры, истории и революционного движения с деятелями исторических освободительных движений, подчеркнув таким способом всемирно-историческое значение установления в России власти большевиков.

Необходимо рассмотреть основные подходы к возникновению и развитию советского русоцентризма. Для Бранденбергера главной причиной выступает неэффективность марксизма-ленинизма как идеологии всеобщей социальной мобилизации. По мысли автора следует, что неэффективность философии коммунистической партии как массовой идеологии заставила советское руководство начать конструировать основанный на революционной героике «советский патриотизм», который из-за репрессий оказался не способным выполнять возложенные функции. В этих условиях сталинскому руководству не осталось ничего иного, кроме как обратиться к популизму и русскому национализму.

Между тем, Советская пропаганда особой роли русского народа могла бы быть эффективной только при наличии поддержки таких идей среди народных масс, что в свою очередь уже требовало их укоренения в обществе. Для восприятия этой идеологической новации были необходимы хорошо образованные массы, имеющие полноценное представление о истории России и русской культуре. И именно эта составляющая в Советском Союзе 1920-х 1930-х годов отсутствовала, что требовало от большевиков осуществлять широкомасштабные мероприятия и вкладывать огромные ресурсы в обеспечение хотя бы всеобщей грамотности. Идея о необходимости мотивов русского национализма для мотивации армии и мобилизации общества была бы крайне сомнительна с точки зрения исторического опыта, непосредственно доступного советским лидерам. Солдаты царской армии оказались плохо восприимчивы к патриотической пропаганде и совершенно разложились в результате революционной агитации, что явно не свидетельствует о необходимости обращения к русскому национализму для идеологической подготовки страны к войне. Опыт участия России в Первой Мировой войне наглядно продемонстрировал совершенно обратный результат, когда казалось бы близкая массам националистическая пропаганда и патриотизм провалились, поскольку были непонятны архаичным крестьянским массам. Это особенно характерно, если учитывать разнообразие патриотической и националистической агитации, от патриархальных и примитивных форм царской пропаганды для буржуазного популизма Временного правительства. Однако, мотивировать солдатские массы на ведение войны и обеспечить хотя бы минимальную дисциплину и исполнение приказов командиров эта пропаганда не смогла.

Строго говоря, такой исторический опыт должен был побуждать большевиков к скептицизму по отношению к русоцентризму и попыткам использовать русоцентризм, да и вообще патриотические и националистические мотивы в военной пропаганде. Если солдаты проявили безразличие к защите Российского государства и патриотическим идеологемам, было бы странно пытаться использовать провалившиеся методы вновь. Утверждение русоцентризма в советской идеологии не просто не давало большевикам сиюминутной выгоды, но увеличивало сложность идеологической работы и повышало затраты на индоктринацию населения, иначе говоря, русоцентризму народные массы предстояло научить, как и марксизму-ленинизму.

Сталинский поворот только усугублял эту проблему, поскольку требовал сложных идеологических конструкций для совмещения новой русоцентричной парадигмы с марксизмом-ленинизмом. Если советской пропаганде не составляло труда распространять в массах марксизм-ленинизм и восхвалять русских ученых и писателей, то популяризация марксизма-ленинизма вместе с прославлением царских полководцев и чиновников была задачей куда большей сложности. Сопряжение русоцентризма с марксизмом потребовало много времени и завершилось к началу 1950-х годов, одним из наиболее знаковых этапов этого процесса стала историческая дискуссия 1944 года [Юрганов, 2011]. Причиной произошедшего в 1944 году совещания крупнейших советских историков стало издание новой работы Панкратовой, посвященной истории Казахстана и критикующей в духе школы Покровского господствующие классы царской России и покорение территории будущего Казахстана. В ходе дискуссии часть советских историков, в частности Тарле, перешли на позиции откровенного русского национализма и полностью оправдывали экспансию русского самодержавия, другая часть, во главе с Панкратовой, склонялась к традиционным марксистским подходам и оценкам. Закономерно, что дискуссии вызвало не прославление или умаление русского народа, наоборот, причиной конфликта стал вопрос об отношении к господствовавшим в царской России классам и их политике.

Русоцентричный характер столь масштабной пропагандистской программы, проводившейся в первые годы советской власти может свидетельствовать самое большее об отсутствии у большевиков негативного отношения к культуре и истории русского народа. Наоборот, большевизм возводил свои истоки к русской революционной интеллигенции, а русская история и культура глубоко ценились советской властью. Сложную задачу создавала не культура и история русского народа, а культура и история господствовавших ранее и уже свергнутых к тому моменту общественных классов. Именно потому большевики разрушали памятники русским государям и полководцам и ставили на их место памятники русским ученым, писателям, поэтам и художникам. Поскольку большевики желали подчеркнуть всемирно-историческое значение, общечеловеческий контекст Октябрьской революции, они ставили вместе с тем и памятники выдающимся революционным деятелям.

В то время как русская культура, наука и искусство высоко ценились советской властью, огромной проблемой была работа с наследием старого общественного строя. Именно по отношению к свергнутым эксплуататорским классам, истории их господства, то есть их достижений, завоеваний и борьбы, царям, министрам и генералам было возможно вообще поставить вопрос о реабилитации. Таким образом, в идеологическом восстановлении и реконструкции нуждалось рухнувшее государство помещиков и капиталистов, их слуги, бюрократы и военные, их победы и поражения. Иначе говоря, такая постановка вопроса возможна была только в отношении России «Пуришкевичей, Гучковых и Струве», но никак не в отношении России «Чернышевских и Плехановых».

Бранденбергер справедливо отмечает, что первый настоящий советский учебник истории оказался линейным повествованием истории Российского государства и в оппозицию прежним подходам концентрировал внимание на царях и полководцах [Бранденбергер, 2009, 68]. Даже без рассмотрения развития русоцентризма в советской идеологии, анализируя только целостный исторический нарратив, сформулированный в «Кратком курсе истории СССР» [Шестаков, 1937], можно констатировать, что радикальным поворотом в советской идеологии стала не реабилитация русского народа и его национальной гордости, а реабилитация, пусть и частичная, старого российского государства и широкомасштабное восстановление и включение в

советский героический пантеон его государственных и военных деятелей.

Анализируя трансформации советской идеологии, необходимо учитывать специфику советского идеологического аппарата и разделять русоцентризм сообразно ленинскому учению о двух нациях внутри одной. Если еще Лениным было заложено прославление и распространение русской культуры и истории в народных массах, естественно, речь шла о культуре угнетенных народных масс и прогрессивной интеллигенции. Однако Сталиным в развивающуюся советскую идеологическую систему был введен новый элемент в виде реабилитации русской государственности.

Заключение

Таким образом, вопреки традиционной трактовке, сталинский идеологический поворот заключается в том, что советская идеология пошла на частичную реабилитацию истории господствовавших ранее классов и орудия их господства, то есть старого государства. Это означает, что осуществленный идеологический поворот затрагивал не столько национальные мотивы, сколько классовые. Если ранее большевики разрушали памятники императорам, министрам и генералам, чтобы поставить вместо них памятники русским литераторам, ученым и первооткрывателям, то теперь советская наука и пропаганда славят выдающихся полководцев, прогрессивных царей и реформаторов.

Означенный идеологический поворот в советской идеологии соответствует завершению в Советском Союзе повторного классового образования и формирования политарной общественно-экономической формации. Семенов указывает, что репрессии 1930-х годов помимо всего имели важнейшую функцию в процессе установления политарно-доминантных производственных отношений, «нужны были стимулы, которые побуждали бы политаристов выполнять хозяйственные директивы центра» [Семенов, 2014, 184].

Хотя Семенов не рассматривает полностью систему отношений внутри класса политаристов, к анализу внутриклассовых противоречий близко подходит Терри Мартин. Рассмотренный ранее конфликт между центром, республиканскими и российскими политаристами был важным препятствием на пути консолидации господствующего класса и завершения формирования политарно-доминантной системы общественного производства.

Из всех советских республик РСФСР обладала подавляющим превосходством в хозяйственном развитии, в демографии, культуре, языке, образовании, науке и технике, именно ее пролетариат был главной опорой советской власти. Именно РСФСР составляла основной источник кадров для партии, соответственно именно ее представители составляли большинство в советском государственном аппарате. В рамках Союза во всех этих сферах Россия была обречена на доминирование в силу только своего существования, однако ее бюрократия не обладала равноправным статусом. Таким образом, само учреждение СССР в качестве союза республик с различным уровнем общественного развития, как в относительном, так и в абсолютном выражении, создавало предпосылки для выстраивания иерархии «советских народов» и, поскольку в советской идеологии осуществилось привязывание «нации» к территории, иерархии социалистических наций. Практики позитивной дискриминации и вычурного превознесения национальной гордости нерусских народов послужили образцами для будущей русоцентричной идеологии. Таким образом, советская политика достижения равенства наций и их государственных пришло к собственному самоотрицанию, обеспечив политические и идеологические предпосылки для возникновения иерархии советских наций и

их государственных. Национальная политика, призванная обеспечить равенство делала русоцентризм и иерархию наций неизбежными.

Поскольку идеология национально-государственного строительства оказывалась неразрывно связана борьбой внутри господствующего класса, а также с классовой борьбой политаристов против рабочего класса и крестьянства, вполне характерно, что по мере завершения становления политаризма потребовалась и новая идеология, обосновывающая неравноправную консолидацию господствующего класса. Таким образом, сталинский этатистский русоцентризм возник в результате повторного классовообразования, выделения ядра советского государственного и партийного аппарата в новый класс коллективных собственников средств производства.

Возникновение нового классового антагонистического общественного строя требовало орудия диктатуры этого класса, полноценной государственной системы, формирование которой тоже завершилось к первой половине 1930-х годов. Когда в Советском Союзе у власти утвердился новый класс эксплуататоров, со своими слугами, то есть генералами и министрами, возникла идеологическая необходимость в реабилитации слуг ранее господствовавших классов. Пусть и в превращенной, идеологической форме, однако класс политаристов осознавал себя в качестве коллективного собственника всех хозяйственных ячеек и организатора системы общественного производства. Как и любому другому господствующему классу, если бы необходима идеология, способная в иллюзорной, апологетической форме отражать противоречивое общественное бытие.

Советское руководство нуждалось в русоцентризме для легитимации своего господства ровно в той же степени, в какой для этой цели ей был необходим марксизм-ленинизм. С чисто прагматической точки зрения, если не учитывать, что именно русская история и культура были ключевыми факторами гинезиса этой партии, без русоцентризма нельзя было обосновать господства большевиков. В таком случае советская власть была бы вынуждена репрезентировать себя как совершенно чуждый России и ее народу режим, что было бы невозможно и с точки зрения марксистской теории, поэтому большевики не могли даже помыслить о разрыве с русской историей и культурой. Однако без обоснования посредством методологического аппарата марксизма необходимости и неизбежности Октябрьской революции большевики не могли обосновать легитимность своей власти, поскольку в таком случае они выступали не в качестве исключительной партии, чья идеология основывается на научном методе, а в качестве обычных узурпаторов и мятежников. Поскольку отказ от любой составляющей напрямую ставил под вопрос легитимность советской власти, то не оставалось никакого выбора в разрешении возникших идеологических противоречий. Необходимо было одновременно подчеркнуть неразрывную связь большевиков с русским народом и его культурой, обосновать историческую необходимость политического господства большевиков и реабилитировать в качестве героев советского государства выдающихся деятелей того режима, против которого они боролись. Последнее требовало отказа от огульной и всеобъемлющей критики всех действий самодержавия и переоценки его исторического и политического наследия. В конечном счете, выходом для решения этой проблемы стала дифференциации этапов развития старой России, когда одни периоды рассматривались в качестве прогрессивных, а другие, в особенности те, на которые пришлась активная революционная борьба, в качестве реакционных. Другим средством стало использование эклектичной диалектики, «с одной стороны» критиковавшей, «с другой стороны» оправдывавшей действия предыдущих господствующих классов.

С учетом совокупности условий и факторов возникновения советского русоцентризма, остается констатировать исторически обусловленный характер этого явления. В зависимости от исхода тех или иных исторических событий вариации и формы советского русоцентризма могли бы принять иной характер, однако возникновение и утверждение этого явления представляется неизбежным.

Библиография

1. *Амелин П.* Великий русский народ. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Ленинграде. 1950. 48 с.
2. *Акопян А. М.* Нерушимая дружба советских народов // *Хримлян С. И.* Великая Дружба, Ереван, 1954. С. 7-24
3. *Агурский М. С.* Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм, 2003. 320 с.
4. *Бранденбергер Д. Л.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931-1956). СПб., 2009. 415 с.
5. *Белоусов С. Н.* История Украины. Краткий курс. Киев, 1948, 806 с.
6. *Вержбицкий В.* Великий русский народ – выдающаяся нация. Москва, 1951. 211 с.
7. *Волин Б. М.* Великий русский народ. М.: 1938. 48 с.
8. *Дмитриев В. Д.* Навеки с русским народом. К 425-летию добровольного вхождения Чувашии в состав Русского государства. Чебоксары, 1976. 76 с.
9. *Кожевников А. Ю.* Русский патриотизм и советский социализм. М.: Прометей, 2017. 642 с.
10. *Казанджян В. В.* Великий русский народ - цементирующая сила дружбы народов СССР. // *Хримлян С. И.* Великая Дружба, Ереван, 1954. С. 24-39
11. *Ленин В. И.* К вопросу о национальностях или об «автономизации» // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 45. М., 1970, С. 330
12. *Лебедев В.* Великий русский народ – выдающаяся нация. Ленинград, 1946. 24 с.
13. *Луначарский А. В.* Ленин и искусство. Воспоминания // *Луначарский А. В.* Об искусстве. Т. 2, М., 1982. С. 131-136
14. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР 1923-1939. Москва, РОССПЭН, 2011. 855 с.
15. *Паин Э. А.* Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Новое издательство, Фонд Либеральная миссия, 2003. 248 с.
16. *Панкратова А. М.* Великий русский народ. Москва, 1952. 259 с.
17. *Семенов Ю. И.* Политарный («Азиатский») способ производства. Сущность и место в истории человечества и России. М.: 2014. 382 с.
18. *Сталин И. В.* Речь на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана с руководителями партии и правительства 4 декабря 1935 года // *Сталин И. В.* Сочинения. Том 14. М.: Издательство «Писатель», 1997. с. 101
19. *Сталин И. В.* Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) 27 июня 1930 г. // *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 12. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 235–373.
20. *Тищенко Д.* Русский народ – выдающаяся нация и руководящая сила Советского Союза. Москва, 1952. 64 с.
21. *Терновой О.* Великий русский народ. Сборник материалов из центральной печати. Сталинград, 1946. 80 с.
22. *Шестаков А. В.* Краткий курс истории СССР. М.: 1937. 217 с.
23. *Юрганов А. Л.* Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011. 765 с.
24. РСФСР. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 12 апреля 1978 г. М.: Советская Россия, 1979. 117 с.
25. Украинская ССР. Конституция (Основной Закон) Украинской Советской Социалистической Республики. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета Украинской ССР девятого созыва 20 апреля 1978 г. Киев: Политиздат Украины, 1978. 46 с.
26. Белорусская ССР. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики. Принята на внеочередной девятой сессии Верховного Совета Белорусской ССР девятого созыва 14 апреля 1978 г. Минск: Беларусь, 1978. 62 с.
27. Внеочередной XXI съезд Коммунистической Партии Советского Союза. 27 января — 5 февраля 1959 года. Стенографический отчет, 1 том. М.: Политиздат, 1959. 587 с.
28. XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. 30 марта — 9 апреля 1971 года. Стенографический отчет. Т. I. М. 1971. 598 с.

Genesis, evolution and functions of russocentrism in the Soviet ideology

Mikhail V. Strugov

Postgraduate, Department of Social Philosophy,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1, Leninskie gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: soph13east@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the study of the emergence and the formation of russocentrism in the Soviet ideology. The study conducted by the author demonstrates that the rehabilitation of elements of Russian nationalism and their integration into the ruling ideology had objective historical prerequisites. Ideological constructs are considered in their historical connection with socio-economic relations; the social superstructure is determined by the socio-economic basis and the historically established social composition. This study argue the objective nature of the emergence and assertion of russocentrism in the ideology of the Soviet Union. The author considers the elaboration of the russocentric paradigm in the period of the Soviet regime in close connection with the development of Soviet society as a class society. The article thoroughly reconstructs the main content of the russocentric narrative, its connections with Leninism. Social and historical circumstances are revealed that determined the need for the formation of a new historical narrative.

For citation

Strugov M.V. (2019) Genezis, razvitiye i funktsii russotsentrizma v sovetskoy ideologii [Genesis, evolution and functions of russocentrism in the Soviet ideology]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (2A), pp. 194-208.

Keywords

Russocentrism, Soviet identity, nationalism, social mobilization, national identity, Soviet patriotism.

References

1. Amelin P. (1950) Velikij russkij narod. Stenogramma publichnoj lekcii, pročitannoj v Leningrade [Great Russian people. Transcript of a public lecture given in Leningrad]. p. 48.
2. Akopyan A. M. (1954) Nerushimaya družba sovetskih narodov [The indestructible friendship of the Soviet peoples]. Hrimlyan S. I. Velikaya Družba [The Great Friendship]. Erevan. pp. 7-24
3. Agurskij M. S. (2003) Ideologiya nacional-bol'shevizma [The ideology of National Bolshevism]. Moscow: Algoritm. p. 320.
4. Brandenberger D. L. (2009) Nacional-bol'shevizm. Stalinskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo nacional'nogo samosoznaniya (1931-1956) [National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931-1956]. SPb. p. 415.
5. Belousov S. N. (1948) Istoriya Ukrainy. Kratkij kurs. [History of Ukraine. Short course]. Kiev. p. 806.
6. Verzhbickij V. (1951) Velikij russkij narod – vydayushchayasya naciya [The great Russian people are an outstanding nation]. Moscow. p. 211.
7. Volin B. M. (1938) Velikij russkij narod [Great Russian people]. Moscow. p. 48.
8. Dmitriev V. D. (1976) Naveki s russkim narodom. K 425-letiyu dobrovol'nogo vhozhdeniya CHuvashii v sostav Russkogo gosudarstva [Forever with the Russian people. For the 425th anniversary of the voluntary entry of Chuvashia into the Russian state]. CHEboksary. p. 76.

9. Kozhevnikov A. YU. (2017) Russkij patriotizm i sovetskij socialism [Russian patriotism and Soviet socialism]. Moscow: Prometej. p. 642.
10. Kazandzhyan V. V. (1954) Velikij russkij narod - cementiruyushchaya sila druzhby narodov SSSR [The Great Russian People - the cementing force of the friendship of the peoples of the USSR]. // Hrimlyan S. I. Velikaya Druzhiba [The Great Friendship], Erevan. pp. 24-39
11. Lenin V. I. (1970) K voprosu o nacional'nostyah ili ob «avtonimizacii» [On the issue of nationalities or «autonomization»] // Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij [Collected Works]. T. 45. Moscow. p. 330
12. Lebedev V. (1946) Velikij russkij narod – vydayushchayasya naciya [Great Russian people - an outstanding nation]. Leningrad. p. 24.
13. Lunacharskij A. V. (21982017) Lenin i iskusstvo. Vospominaniya [Lenin and art. Memories] // Lunacharskij A. V. Ob iskusstve [On Art]. T. 2, Moscow. pp. 131-136
14. Martin T. (2011) Imperiya «polozhitel'noj deyatel'nosti». Nacii i nacionalizm v SSSR 1923-1939 [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Moscow, ROSSPEN, 2011. p. 855.
15. Pain E. A. (2003) Mezhdru imperiej i naciej: modernistskij proekt i ego tradicionalistskaya al'ternativa v nacional'noj politike Rossii. [Between the Empire and the Nation: The Modernist Project and its Traditionalist Alternative in Russia's National Policy]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, Fond Liberal'naya missiya. p. 248.
16. Pankratova A. M. (1952) Velikij russkij narod. Moskva [Great Russian people]. p. 259.
17. Semenov YU. I. (2014) Politarnyj («Aziatskij») sposob proizvodstva. Sushchnost' i mesto v istorii chelovechestva i Rossii. [Polytarian (Asian) mode of production. Essence and place in the history of mankind and Russia]. Moscow. p. 382 s.
18. Stalin I. V. (1935) Rech' na soveshchanii peredovyh kolhoznikov i kolhoznic Tadjikistana i Turkmenistana s rukovoditelyami partii i pravitel'stva 4 dekabrya 1935 goda [Speech at a meeting of advanced collective farmers and collective farmers of Tajikistan and Turkmenistan with the leaders of the party and government on December 4, 1935] Stalin I. V. Sochineniya [Works]. Tom 14. Moscow: Izdatel'stvo «Pisatel'». p. 101
19. Stalin I.V. (1930) Politicheskij otchet Central'nogo Komiteta XVI s"ezdu VKP(b) 27 iyunya 1930 g. [Political Report of the Central Committee to the XVI Congress of the CPSU (b) June 27, 1930] // Stalin I. V. Sochineniya. [Works] T. 12. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1949. pp. 235–373.
20. Tishchenko D. (1952) Russkij narod – vydayushchayasya naciya i rukovodyashchaya sila Sovetskogo Soyuzha [The Russian people are an outstanding nation and the leading force of the Soviet Union]. Moscow. p. 64.
21. Ternovoj O. (1946) Velikij russkij narod. Sbornik materialov iz central'noj pechati. [Great Russian people. Collection of materials from the central press.] Stalingrad. p. 80.
22. SHestakov A. V. (1937) Kratkij kurs istorii SSSR [A short course of the history of the USSR]. Moscow. p. 217.
23. YUrganov A. L. (2011) Russkoe nacional'noe gosudarstvo: ZHiznennyj mir istorikov epohi stalinizma [Russian national state: the life world of historians of the era of Stalinism]. Moscow: RGGU. p. 765.
24. RSFSR. (1979) Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Rossijskoj Sovetskoj Federativnoj Socialisticheskoy Respubliki. Prinyata na vnocherednoj sed'moj sessii Verhovnogo Soveta RSFSR devyatogo sozyva 12 aprelya 1978 g. Moscow: Sovetskaya Rossiya. p. 117.
25. Ukrainskaya SSR. (1978) Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Ukrainskoj Sovetskoj Socialisticheskoy Respubliki. Prinyata na vnocherednoj sed'moj sessii Verhovnogo Soveta Ukrainskoj SSR devyatogo sozyva 20 aprelya 1978 g. Kiev: Politizdat Ukrainy. p. 46.
26. Belorusskaya SSR. (1978) Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Belorusskoj Sovetskoj Socialisticheskoy Respubliki. Prinyata na vnocherednoj devyatoy sessii Verhovnogo Soveta Belorusskoj SSR devyatogo sozyva 14 aprelya 1978 g. Minsk: Belarus'. p. 62.
27. (1959) Vnocherednoj XXI s"ezd Kommunisticheskoy Partii Sovetskogo Soyuzha. 27 yanvarya — 5 fevralya 1959 goda. Stenograficheskij otchet, 1 tom. Moscow: Politizdat. p. 587.
28. (1971) XXIV s"ezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuzha. 30 marta — 9 aprelya 1971 goda. Stenograficheskij otchet. T. I. Moscow. p. 598.